

ЖИЗНЬ В ТАНЦЕ

Трудно сказать, кто из Семеновых сыграл большую роль в жизни Марины Кондратьевой, солистки Большого театра: известная балерина или известный академик. М. Т. Семенова была ее педагогом и до сего времени остается ее кумиром. Или академик Н. Н. Семенов, хотя физика и химия никакого отношения к балету не имеют.

— Это не совсем так, — смеется Марина. — Во-первых, в нашей семье все химии. А во-вторых — и это самое главное, — в балет меня привел Николай Николаевич Семенов. Да-да, не удивляйтесь... Во время войны мы были эвакуированы в Казань. И я, маленькая девочка, принимала участие в концертах, которые организовывала для раненых жена Семенова — Наталья Николаевна. Однажды на такой концерт пришел Николай Николаевич. Ему понравилось, как я танцую, и он настоял на том, чтобы я уехала учиться в Москву. Родители протестовали: видимо, хотели, чтобы я избрала их специальность. Но потом смирились...

— И теперь, конечно, они не жалеют о том, что вы стали балериной?

— Да, и даже не возражают, чтобы мой сын тоже танцевал.

— В каком возрасте вы стали мечтать о карьере балерины?

— Не помню, но мне кажется, что я всегда хотела только танцевать.

— Как вам запомнилась первая премьера?

— Мой дебют на сцене Большого театра был неожиданным, более того — ошеломляющим. Это было в 1953 году. Звонит мне Захаров, постановщик «Золушки», и говорит: «Сможешь за неделю выучить партию?» Молодая была, ухватилась сразу: «Смогу». И через не-

делю танцевала Золушку. Единственное чувство, которое очень хорошо помню, — скорей бы на сцену! Я не задумывалась даже о вероятности провала — чувство ответственности появилось уже после спектакля, после аплодисментов. Только «скорей бы», и все. Сейчас уже нет такого нетерпения.

— Но реакция зрителей вас по-прежнему волнует?

— Конечно. Если не чувствуешь аудитории, очень трудно танцевать. Вот в некоторых странах, например, где мы гастролировали, не принято аплодировать во время спектакля. Когда я впервые с этим столкнулась, была какая-то растерянность — не хватало чего-то, казалось,

что мне не удалось установить контакта с залом...

— Когда, вы считаете, наступает расцвет дарования у балерины?

— По-моему, не только тогда, когда приходят первый успех и слава. Этому должно сопутствовать собственное осознание того, что ты нашла свою роль и отдала ей все, что ты имеешь. До конца. Это — открытие себя. Возраст, конечно, здесь ни при чем.

— Все считают, что вы нашли себя в «Жизели», исполнив ведущую партию.

— Остается только согласиться с этим, недаром Жизель является моей любимой героиней по сей день — я танцую ее семь лет, и мне бы хотелось еще долго с ней не расставаться.

— Кстати, а что вы скажете о своих партнерах?

— Больше всего люблю танцевать с Липой и Фадеевым. Равных им я просто не вижу.

— А если бы вам предложили в партнеров вашего супруга — Валерия Туманова?

— Мы с ним выступаем только в концертах. Дело в том, что он более характерный танцор, а я — классик, воспитанная на старых традициях.

— Скоро вам предстоит танцевать Анну Каренину в одноименном балете Родиона Щедрина...

— Пока трудно сказать что-либо об этой роли, только начались репетиции. Но я уже живу Анной... А надежд на спектакль возлагается много: ведь ставит балет Майя Плисецкая. Одно то, что она взялась решить эту сложнейшую во всех отношениях тему, говорит о многом.

— И последний вопрос: что больше всего помогает вам в сценической деятельности?

— Любовь к балету. Все подчинено ему. У меня даже нет хобби как такового: все, что я вижу, что я делаю, — все во имя балета. И еще — упорство, работоспособность. Ни одного дня не обходится без репетиции. Труд это колоссальный, но без него невозможно почувствовать то, чему учила меня Марина Тимофеевна Семенова, — крылья за спиной.

Т. СУВОРОВА.